

Повести может служить указанием на ту общественную среду, для которой писалась Повесть, и где мы должны искать ее автора.

Продолжая анализ Повести, как литературного произведения, следует обратить внимание на точки соприкосновения ее не только с «воинской» повестью (что было сделано мной сейчас), но и на текстуальное совпадение ее по местам с определенным памятником, выросшим на той же почве — в Сибири — и в той же, вероятно, социальной среде, что и Повесть: это даст возможность ближе подойти к самой личности автора нашей Повести. Я имею в виду соотношение нашей Повести, для нас анонимной, к так называемой «Летописи» Саввы Есипова: на это соотношение было уже указано в помянутом докладе С. О. Долговым; но в протоколе, откуда мы узнаем об этом, мнение докладчика отмечено, разумеется, очень кратко и в самой общей форме. Вот оно: «Литературная оболочка Повести та же, что в позднейших воинских повестях. Ближе всего Повесть стоит к Сибирской летописи Саввы Есипова, повторяя почти дословно многие фразы и почти целые периоды этого литературного памятника» (стр. 16 назв. издания). Первую часть этого мнения — определение нашей Повести, как «воинской» — мы видели выше: ближайший анализ ее подтвердил высказанное в протоколе мнение. Для второй части остается произвести не только эту проверку, но и сделать из нее возможные надлежащие выводы, отсутствующие в протоколе. И это тем более необходимо, что Сибирская летопись принадлежит к другому литературному жанру, нежели наша Повесть, и точки соприкосновения между ними должны получить иное объяснение, нежели это имело место в отношении Повести и повестей «воинских», как принадлежащих к одному и тому же литературному жанру. Действительно: простое сопоставление текста Повести с текстом Сибирской летописи (также называемой в рукописях: О Сибирской стране, О Сибири и о сибирском взятии, Списание о Сибирской земле — см. назв. изд., стр. 105 и прим.) обнаруживает несомненные между ними текстуальные совпадения в ряде случаев, хотя Сибирская летопись, если и рассказывает о военных событиях, не есть «воинская» повесть, как представительница особого жанра: но это — и «не летопись, т. е. погодное изложение (как такое название приложимо к Строгановской летописи — *М. С.*), а цельное произведение на известную тему: цель автора — показать, каким образом страна, подчиненная бусурманскому царю и служившая идолам, покорилась власти царя (христианского, православного — *М. С.*) и просветилась христианским уче-